

Л.А. Чибиров*

Мифологическое и божественное начало в образе нарта Батрадза

Л.А. Чибиров*

Вряд ли кто из ученых, занимающихся исследованием нартовского эпоса, сомневается в его мифологической подоснове; эпос вобрал в себя большую часть мифов, в которых мотивы и герои рано подверглись эпизации [4].

В осетинском эпосе о нартах из всех ведущих персонажей мифологические черты и свойства в наиболее яркой форме присущи лишь двум богатырем. Кто же они?

Все выдающиеся герои нартиады из рода Ахсартаггата и представлены двумя поколениями: старшее и младшее. Наряду с Сосланом наиболее яркой и колоритной фигурой младшего поколения осетинской нартиады является непобедимый витязь и любимец нартов Батрадз.

Непререкаемому авторитету в изучении эпического творчества народов Кавказа Ж. Дюмезилю принадлежит приоритет в исследовании мифологизмов в осетинском нартовском эпосе, которые, по его аргументированному утверждению, наиболее ярко и выпукло проявились в образах знаменитых нартовских богатырей – Батрадза и Сослана. Оба героя «всей необычностью своего существования, рождения, приключений, смерти сразу же выдают свое внелитературное, очень вероятно, мифологическое происхождение. И обряды, которые связываются с именем Батрадза (помимо погребальных жертвоприношений) или с именем Сослана в Иванов день, позволяют предположить, что эти персонажи продолжают жизнь важных культовых божеств древности» [6].

К мифологическим мотивам образа Батрадза Дюмезиль обращался не раз. В двух своих монографиях «Легенды о нартах» и «Скифы и нарты» он посвятил им специальные разделы. Ученый обосновывает неразрывную связь образа Батрадза с грозными мифами. Последние же относятся к наиболее почитаемым древними людьми стихийным силам природы.

Тщательный анализ цикла о Батрадзе свидетельствует о том, что все присущие его натуре необыкновенные особенности (подвиги, жестокости,

образцовое поведение, храбрость) совершались им на всех этапах формирования и развития эпоса (скифо-сарматском, алано-тюркском и горнокавказском) и окутаны мифологической оболочкой. Громоподобное «богоявление» Батрадза повторяется на протяжении всей его жизни.

Образ этого героя, мифологические черты которого наиболее маркированы, уводит истоки формирования эпоса в седую древность и далеко за пределы Кавказа. Обратимся пока к скифскому миру.

В образе Батрадза выявлены функции повелителя грома и молнии, которые воспринимаются в мифологии, с одной стороны, как карающая сила, орудие, а с другой – как оплодотворяющая сила, связанная с небесной влагой и плодородием.

Раскрытию образа Батрадза как громовика, богоявления во многом способствовало сравнительное изучение духовной культуры скифов, в частности важнейшего персонажа в пантеоне – Ареса. Сопоставительный анализ этих двух образов дал основание Дюмезилю для заключения, что «скифский бог, который представлен Геродотом в греческой, явно обедненной интерпретации Аресом, завещал свои важные ритуальные, а может быть, и мифологические черты эпическому персонажу, получившему явно позднее имя Батрадза, «осетинского богатыря» [7]. В действительности дальнейшие исследования показали верность суждений маститого ученого: немало ритуальных и мифических функций переключалось от божества Ареса к эпическому персонажу Батрадзу.

Что же мифологического в образе Батрадза, в чем он повторяет Ареса?

Батрадз наделен чертами молнии, обладает качествами божества-громовика. Огненными стрелами он поражает своего противника, всех низших духов. Мифологизмы в образе Батрадза начинаются с самого появления его на свет. Мать его – дочь водяного, необыкновенное существо – родилась под водой, порою крошечного роста,

* Чибиров Л.А. – д. и. н., профессор, г. н. с. отдела культурной антропологии южных осетин ВНИЦ РАН и Правительства РСО-А.

что-то вроде лягушки, не переносит обиды и оскорблений. Выйдя замуж за Хамыца, она лишь ночью приобретает свой настоящий женский облик, а днем превращается в крошку. Однажды Хамыц забрал ее в кармане на нартовский ныхас. Узнав это, Сырдон не только опозорил Хамыца на сходе нартов, но проник в спальню Быценон и сжег кожу, после чего она не могла больше перевоплощаться и оставаться среди нартов. На прощание беременная жена дохла между лопатками Хамыца небольшую опухоль (вариант – плюет мужу на спину), откуда спустя девять месяцев на вершине семиярусной башни Сатана извлекает младенца. Младенец оказывается стальным, огненным и, как пламенный смерч, с высоты башни падает поочередно в заранее подготовленные семь котлов с водой, пока не остывает в последнем. В другом варианте по прошествии девяти месяцев Сатана разрешила «опухоль на спине Хамыца – и выпрыгнул оттуда раскаленный младенец. Выше поясицы из стали, а ниже поясицы из булата был этот мальчик, и прыгнул он в самое море. Закипела вода в синем море, превратилась вся в облако, поднялась к небу, и до капельки высохло море. Поостыли облака, и ливнем упала вода на землю [9, с. 235]. Стальной и огненный младенец, падение вниз с семиярусной башни в котлы с водой – все это мифологизмы.

Хотя Батрадз сам родом из нартов, но живет в небесах, и каждый его спуск на землю – это зримый образ молнии, грозы. При этом, падая на землю как огненная глыба, он плавит и сжигает все на своем пути. После своего возмужания местом его пребывания стали небеса. С неба он устремляется на землю как молния, когда нартам требуется его присутствие. Близость Батрадза к природе молнии проявляется и в том, что стальной герой один среди нартов пользуется при случае своим телом как снарядом (ядро, лук). Наряду с небом, местом его пребывания является и подводный мир, где обитают родичи по матери – донбеттры. И оттуда он со скоростью вылетает на землю, если его вдруг призвали на помощь сородичи.

Однажды, когда нарты были в походе, великан Мукара напал на нартовское село и, поиздевавшись над стариками, детьми, потребовал уплаты дани и погнал перед собой лучших девушек и женщин. Спасти положение мог только Батрадз, к которому Сатана послала ястреба. Когда ястреб достиг Батрадза и передал ему тревожную весть, нарт сразу же бросился с неба вниз и по самые ляжки ушел в землю. Когда Батрадз разузнал что к чему, началась его трудная схватка с Мукара, который, заманив его, бросил в яму. Батрадз выпрыгнул из ямы и, увидев башню, в которой скрывался Мукара, влетел в нее, умертвил великана и перебил всех кадзи. Высвободив ноги, он побежал быстро к Сатана... [9, с. 251, 254].

Мифологизмы в образе Батрадза дают о себе знать и в сюжетах о могуществе витязя. Он настолько силен, что, спускаясь на землю, вызывает бурю, а его кашель – ураган. Желая отомстить нартам за смерть отца, Батрадз приказал им зарядить себя в дуло гигантской пушки как ядро. На вопрос, как узнать, когда он сядет плотно на дно пушки, он ответил, что даст знать кашлем. Первый кашель будет обозначать, что ноги достали до заряда. После этого Батрадз «прокашлял в первый раз, и в это время с кашлем из дула громадной пушки выходит сильнейший ветер и разносит нартов по всем краям земли. Большая часть нартов подвергается увечьям и смерти от сильных ушибов, причиненных им ветром, происшедшим от дуновения и кашля Батрадза» [11]. В некоторых сюжетах он превращается в ураган и развеивает пепел от сожженной шелковой одежды нартовских женщин. Аналогичные «молниеносные» действия Батрадзом были проделаны и при его похоронах. По жалобе Тбауациллатæ, Уастырджытæ бог наслал смерть на Батрадза. Удовлетворив их просьбу, бог сказал им: «Хотя вы на него жаловались, но ступайте теперь и отнесите его в «Софийский склеп». Когда они приблизились к праху Батрадза, то «поднялся такой ядовитый запах, что многие из духов и дауагов тут же попадали на землю и поумирали» [9, с. 296]. Когда однажды алдар Хыз похитил жену Сослана, Сатана помолилась небожителям, и они отпустили Батрадза на землю. Батрадз падая на землю как огненная глыба, плавя и сжигая все на своем пути, пока не остыл в огромном чане с водой. Батрадз приказал положить его на свой лук, оттянуть предельно тетиву и пустить стрелу на крепость Хыза. Когда нарты сделали так как им было велено, Батрадз растопырил руки и ноги, полетел, ударился о стену крепости, проломил ее и прошел насквозь всю крепость, разрушая ее так, что с противоположной стены посыпались камни» [9, с. 267]. Таким образом, Батрадз единственный из нартов, который использовал свое тело как снаряд, что является лишним свидетельством связи природы Батрадза с природой молнии.

В одном нартовском сказании Кривой Уаиг задумал пригласить в гости Урузмага и Хамыца, чтобы отравить их за то, что Батрадз оскорбил его сына Алафа. На пиру Афсарагон запел громкую оскорбительную песню, которая «долетела до слуха Батрадза, который находился совсем неподалеку, на вершине горы. Сразу он понял ее и прыгнул с высоты прямо во двор Уаига и, когда ударилось о камни двора его стальное тело, звон пошел повсюду» [9, с. 258–259]. Аналогичными были действия Батрадза, когда однажды именитые нарты попали в плен к великанам. Перед смертью великан удовлетворил просьбу пленных – разрешил им спеть. Обреченные на смерть запели песню, которая была услышана Батрадзом. Почувствовав по ней ожидающую

сородичей угрозу, Батрадз «спрыгнул с неба, ударился о каменную гору, и стальной этот звон громовым эхом разнесся по ущельям, лесам и равнинам» [9, с. 260]. В другом сказании, когда он стрелой долетел до дома Бората и крикнул с порога, то «содрогнулись от этого крика потолочные балки, и многолетняя сажа посыпалась вниз на пирующих, и многие из тех, кто сидел за столами, от одного этого крика попадали в обморок» [9, с. 247].

Как сама молния, так и ее повелитель Батрадз при расправе с противником ограничивается нанесением одного удара. В стычке с Уаигом, когда после первого удара Батрадз не смог умертвить его, на просьбу умирающего нанести еще один удар, нарт ответил: «Не подобает мне рубить тебя еще раз! Нарты Ахсартаггата, как повелители грома, поражают с первого, подобного молнии, удара» [9, с. 276].

В цикле о Хамыце и Батрадзе множество сюжетов о том, как Батрадз хлестнул «коня плетью, и как ласточка взвился конь и выскочил в дымовое окошко» [9, с. 283], как Батрадз «ударил своего коня, и конь стрелой пролетел между двумя горами» [9, с. 284] и т. д.

Многое из мифологической, божественной природы Батрадза унаследовано нартовским героем от скифского Ареса. Имея в виду особенности их взаимосвязей, Дюмезиль не без основания назвал Ареса мифологическим предшественником Батрадза [7].

Наряду с мифологическим Батрадзу присуща и божественная природа. В осетинской нартияде он облачен в божественные ипостасы, ему оказываются божеские почести, часто восседает с богами на вершинах гор, постоянно пропадает с небесным кузнецом Курдалагоном, а в одном сказании он предстает как крещенный самим богом. Львиная доля эпоса посвящена Батрадзу – его подвигам, мифологическим чертам, жесткости, образцовому поведению.

После распространения христианства в религии осетин божественную природу Батрадза унаследовал Уацилла, наделенный функциями управления громами, молнией, дождем, а также хлебными злаками и урожаем. Батрадз преследует по небу и уничтожает Уацилла, тæ, Уастырджитæ, вменяя им в вину убийство своего отца. «Старый поединок между богом и демонами, составляющий основу мифологии грозы, продолжается. Только святые Ильи заменили демонов, которых некогда преследовал бог и которых все еще преследует св. Илья [6]. Часть функции громовика Батрадза перешла к собрату Уацилла, суровому божеству Тыхосту.

Как персонаж, в котором заложено сверхъестественное, божественное начало, Батрадз поразительно похож не только на Индру и Ареса, но и на древнеиндийского бога грома и бури Веретрагна, что лишний раз свидетельствует о древнейших корнях формирования многосложного образа Батрадза. Много общего у Батрадза и с братьями по эпосу – выдающимися персонажами «Шахнаме» – Рустемом, артуриани – Артуром, Ланселотом, Персивалем, героем исландских саг Кухулиным и др. Но это тема специального разговора.

В образе Батрадза, как на лакмусовой бумаге, проявились взаимоотношения между двумя идеологиями древности: языческим миром и миром, постепенно укреплявшим свои позиции, – христианством. В нартовском эпосе этот процесс проявился в судьбе Батрадза. Как правильно подметил В.И. Абаев, в гибели восставшего против бога Батрадза отражена «борьба между язычеством и христианством... Сослан, Батрадз – это герои языческого мира, погибающие в борьбе с новым богом и его слугами. Капитуляция Батрадза перед св. Софией (Софияйы дзæппадз) – это капитуляция языческой Алании перед византийским христианством» [1]. В противовес мнению Абаева, в последние годы высказаны другого характера суждения о причинах гибели Батрадза [5; 3], но они нуждаются в большей научной аргументированности.

Эпическому Батрадзу присуща не только божественная природа, но и богоборческие мотивы. При этом, судя по специальному исследованию А.Туаллагова, в формировании образа Батрадза, бросившего вызов богам, свою роль сыграли его аналоги – греческий Прометей, армянский Артавадз, грузинский Амирани, осетинский Амыран, абхазский Абрскил, адыгский Джелал, вайнахский Пхъармат и др. [10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В.И. Нартовский эпос осетин. – Цхинвал, 1982. С. 82.
2. Гаглойти Ю.С. Избранные труды. – Т.1, Цхинвал, 2010.
3. Гуриев Т.А. Наследие скифов и алан (Очерки о словах и именах). – Владикавказ, 1991. С. 153–154.
4. Джанаева Н.А. Мифосистема нартовского эпоса осетин // NARTAMONGA, № 1–2, Владикавказ-Париж, 2010. С. 97.
5. Дзиццойты Ю.А. Нарты и их соседи. – Владикавказ, 1992. С. 222–225.
6. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. – М., 1976. С. 50–59.
7. Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. – М., 1990. С.72.
8. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. – Владикавказ, 1992.
9. Сказания о нартах. – Цхинвал, 1981.
10. Туаллагов А.А. Нартовский Батрадз и история христианства у алан // Проблемы осетинского нартовского общества. – Владикавказ, 2000. С. 218.
11. Шанаев Г. Из осетинских сказаний о нартах // ССКГ. Вып. IX. Отд. 11. Тифлис, 1876. С. 19–20.